

Е. А. Ревуцкая

ПОЭТИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Поступила в редакцию 27.02.2023 г.

Принята к публикации 17.06.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-5

51

Для цитирования: *Ревуцкая Е. А.* Поэтическая образность как способ освоения инокультурного пространства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. №1. С. 51 – 60. doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-5.

Представлены результаты анализа образного осмысления инокультурного пространства на материале французской и русской лирической поэзии XX – XXI вв. Цель исследования – определить познавательный потенциал поэтической образности как способа освоения пространства иной культуры. На базе классических (С. А. Аскольдов, А. Ж. Греймас) и современных (В. В. Феценко, М. Фримен) лингвофилософских и семиотических концепций обоснован когнитивный статус поэтической образности. Предложено определение инокультурного пространства как концептуальной области и объекта художественного осмысления. Сочетание процедуры идентификации образных словоупотреблений с приемами метафорического моделирования позволило выявить концептуальные области-источники образного осмысления пространства иной культуры в текстах двенадцати французских и двенадцати русских поэтов. Преобладание концептуальной области ЧЕЛОВЕК / ЖИВОЕ СУЩЕСТВО дало возможность уточнить познавательную природу инокультурного пространства – не объекта толкования, но субъекта, равноценного авторскому поэтическому сознанию. Установлено когнитивное равноправие чувственного и созидательного опыта, чем определяется роль творческого процесса как познавательного ориентира в ходе поэтического освоения мира. Выявление абстракций в качестве концептуальных областей-источников поэтического освоения реальности позволило дополнить тезис об «однонаправленном» характере метафорической концептуализации и составило новизну настоящего исследования.

Ключевые слова: поэтическая образность, метафорическое словоупотребление, концептуальная область, область-источник, область цели, инокультурное пространство

Введение

Поэзия представляет собой не только вершину творчества в языке, но прежде всего способ познания мира. В свою очередь, осознание «принципиальной метафоричности мышления» [3, с. 4] предопределило развитие новых направлений в изучении поэтического языка. Так, поэтическая лексикография (Н. В. Павлович), когнитивная лексиколо-

гия (О. Е. Беспалова) и когнитивная поэтика (И. А. Тарасова) исследуют поэтическую образность как инструмент понимания мира и постижения истины. В зарубежной лингвистике поэтическая метафора разрабатывается в русле когнитивной поэтики (П. Стокуэлл, Дж. Гэвинс, М. Фримен, З. Кёвечеш) и психолингвистики (последнее направление представлено, в частности, работами К. Рассе [21; 22], анализирующей читательское восприятие поэтических метафор на основе психолингвистических экспериментов). Вместе с тем в поэзии слово обладает выразительностью, которая «в существе своем не подлежит объяснению», но имеет онтологическую основу «в разнородных стихиях» [2, с. 41] — сферах человеческого опыта. Поэтому дальнейшей разработки требует не только многообразие восприятия и толкования, но и проблематика концептуальных оснований образных смыслов. Цель настоящего исследования — определить познавательный потенциал поэтической образности как способа освоения пространства иной культуры на материале французской и русской лирической поэзии XX — XXI вв.

Основная часть

Согласно выводам основоположников теории концептуальной метафоры, американских когнитологов Дж. Лакоффа и М. Тернера, поэзия основывается на тех же концептуальных метафорах, что и повседневная речь [17]. Концептуальную метафору принято определять как ментальное представление о явлении или концептуальной области в понятиях иной, более конкретной или более структурированной концептуальной области [6, с. 10]. Поскольку мышление человека — как поэта, так и обывателя — носит «воплощенный» характер, то художественная образность строится на том же «телесном» опыте, что и конвенциональные метафоры [15]. В последние десятилетия важные дополнения к данному тезису были сделаны представителями когнитивной поэтики: так, само явление переноса физического и чувственного опыта в «границы новых осмыслений», несомненно, характеризует как поэтическое, так и обыденное сознание [14, р. 470]. Вместе с тем звуковая форма — рифма, ассонанс, аллитерация — определяет познавательную специфику поэтического образа [9, с. 7]. Кроме того, художественное творчество отличается от языкотворчества обывателя созданием «принципиально нового», ранее не существовавшего смысла [10, с. 28]. Наконец, художественная образность есть не сумма метафорических словоупотреблений, но принцип создания произведения — художественной целостности [1, с. 120], «неразложимой структуры» [11, с. 60], именно благодаря своей цельности производящей эстетический эффект [11, с. 59]. Таким образом, когнитивную природу поэтической образности определяют ее сущностные черты — связь звучания и значения, целостность и нетривиальность.

Еще в 20-е гг. минувшего столетия русский философ С. А. Аскольдов опровергал заблуждение, согласно которому *поэтическое слово* (современный терминологический эквивалент — *поэтический дискурс*) не передает знания, но лишь провоцирует эмоции. По мысли Аскольдова,

несоизмеримость художественного восприятия и научного познания обусловлена неопределимостью границ, «психологической сложностью», «неисчерпаемостью» поэтического значения. В свою очередь, познавательные возможности *художественного высказывания* (данный термин В.Н. Волошинова также является предшественником термина *художественный дискурс*) определяются его способностью «означать более данного в нем содержания» [2, с. 37–38]. Аскольдов опровергает и другое, по сей день распространенное заблуждение: поэтическое значение — индивидуально. Индивидуально художественное произведение в целом, но его элементы составляют обобщение «неопределенных объемов чего-то однородного» [2, с. 37] — итог поэтического познания мира.

Согласно Аскольдову, слово как таковое играет в художественном восприятии иную роль, нежели в научном познании. Слово в поэзии представляет собой не «простой знак», но «символ», обладающий «внутренней, органической связью со своим значением» [2, с. 40]. Обоснованная Аскольдовым «органическая связь» слова с его значением есть не что иное, как «сокращение дистанции между планами выражения и содержания», выдвинутое позднее А.Ж. Греймасом в качестве основополагающей характеристики поэтической речи. Особая корреляция означающего и означаемого отличает «поэтическое» от «литературного», превращая поэтический дискурс в «семиотическую лабораторию» [12, р. 26] и определяя его познавательную значимость. Так, сближение между планами выражения и содержания, согласно семиотической теории Греймаса, провоцирует «пересмотр истины» [16, р. 279] — овладение некоторым знанием о мире посредством восприятия переносного значения слова как прямого. Значения, помеченные в толковых словарях как *переносные*, фактически являются *прямыми* в «системе поэтического мышления» [7, с. 160]. Иначе говоря, поэзия в значительной степени основывается на «иносказании» [1, с. 119], получающем самостоятельную познавательную ценность.

Выступая в качестве области цели, инокультурное пространство определяется в данном исследовании как концептуальная область, обладающая тремя основными сущностными характеристиками. Во-первых, оно отвечает когнитивному определению пространства как обобщенному представлению о доступной наблюдению человека целостности между небом и землей (Е.С. Кубрякова). Во-вторых, пространство иной культуры представляет собой «чужую» среду, цель странничества, объект «бесконечного искания» (Н.А. Бердяев). В-третьих, инокультурная среда порождает мифопоэтическое пространство, «укорененное» в художественных текстах, предстающее в виде образов и идей и воспринимаемое как текст, сообщение (В.Н. Топоров). Вслед за Д. Замятиним мы рассматриваем поэтическое осмысление пространства иной культуры как «онтологический ориентир», продукт «культурно протяженной, опространственной памяти коллективного или даже индивидуального сознания» [5, с. 19]. Данная комплексная трактовка была принята за основу при отборе эмпирического материала-

ла и конструировании тематической выборки, включившей тексты двенадцати французских и двенадцати русских поэтов. Исследование выполнено на материале поэзии XX–XXI вв. — времени, когда философские и эстетические споры показали особую значимость творческого начала в мышлении и языке. Формальным основанием для включения поэтического текста в исследовательский корпус послужили топонимы, маркирующее пространство «чужой» для автора культуры. В выборку вошли 32 поэтических произведения (в том числе 4 поэмы, 2 поэтических цикла и 26 стихотворений) общим объемом более 14300 слов. Объем французских поэтических текстов составил более 7200 слов, русских — порядка 7100 слов. Выборка включает произведения, созданные пятью французскими (Б. Сандрар, П. Реверди, Л. Арагон, Р. Кено, С. Беккет) и пятью русскими (С. Черный, В. Ходасевич, И. Северянин, Е. Шкляр, В. Лурье) поэтами первой половины XX в. Вторая половина XX в. представлена тем же числом французских (М. Юрсенар, А. Шедид, Э. Каду, М. Бютор, Ж. Оризе) и русских (В. Рождественский, Д. Самойлов, В. Британишский, И. Бродский, Н. Горбаневская) авторов. Произведения еще двух французских (Ф.Э. Сикар, М. Уэльбек) и двух русских (С. Шестаков, Л. Элтанг) авторов относятся к XXI в.

Как известно, образность — категория одновременно мышления и языка, поэтому термин «образ» может обозначать как концептуальную модель, так и языковые выражения, на основе которых возможно выявить концептуальную модель. В свою очередь, термин «образный язык» объединяет разноструктурные единицы словарного состава на основе переносного смысла (прежде всего метонимии, метафоры, сравнения и аналогии) [13, р. 11]. Поэтому названные единицы образного языка выступают в данном исследовании в качестве единиц анализа, а определению концептуальных областей-источников необходимо предшествует выявление образных словоупотреблений на лингвистическом уровне. В предыдущие десятилетия в качестве оснований для отграничения образных значений от буквальных предлагались, в частности, ложность высказывания (И. Ловенберг), рассогласованность семантических составляющих (Е. Китти) и нарушение сочетаемости лексем (И. Нойман). На современном этапе исследователи используют универсальную процедуру идентификации образных словоупотреблений MIP (Metaphor Identification Procedure) [20; 23], опирающуюся не на компетенцию носителя, а на данные толковых словарей. Алгоритм этой процедуры заключается в последовательном соотношении контекстуального значения каждого слова (то есть значения слова в контексте анализируемого высказывания (текста)) с его основным словарным значением. Такое соположение позволяет признать рассматриваемое словоупотребление буквальным либо метафорическим. Используя данную процедуру, мы выполнили анализ контекстуального значения всех знаменательных слов для каждого из поэтических текстов, составивших выборку. В качестве справочных словарей мы обращались к толковому словарю французского языка Le Nouveau Petit Robert de la langue fran-

çaise (2007) [18], Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [8] и Новому словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой [4]. В свою очередь, переход от лингвистического к концептуальному уровню анализа заключается в моделировании концептуальных сближений между областями-источниками и областью цели – инокультурным пространством (табл.).

Концептуальные области-источники образного осмысления инокультурного пространства во французской и русской поэзии XX – XXI вв.

Концептуальные области-источники образного осмысления инокультурного пространства	Авторы	
	Французская поэзия XX – XXI вв.	Русская поэзия XX – XXI вв.
ЧЕЛОВЕК / ЖИВОЕ СУЩЕСТВО	Б. Сандрар, П. Реверди, Л. Арагон, Р. Кено, М. Юрсенар, А. Шедид, М. Бютор, Ф.Э. Сикар, М. Уэльбек	И. Северянин, Е. Шкляр, В. Лурье, В. Рождественский, Д. Самойлов, В. Британишский, И. Бродский, Н. Горбаневская, С. Шестаков, Л. Элтанг
НЕЖИВАЯ ПРИРОДА	Б. Сандрар, Ж. Оризе, М. Уэльбек	И. Северянин, Д. Самойлов, С. Шестаков
РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР	–	Д. Самойлов
ВНЕШНЕЕ УБРАНСТВО	Л. Арагон, Э. Каду	В. Ходасевич, Д. Самойлов, Н. Горбаневская
БОЛЕЗНЬ	Б. Сандрар, Л. Арагон	–
ЕДА	Б. Сандрар, Л. Арагон	Д. Самойлов
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	Б. Сандрар, М. Бютор	С. Черный, Д. Самойлов, С. Шестаков
МУЗЫКА	Б. Сандрар	В. Рождественский, С. Шестаков
КИНЕМАТОГРАФ	Б. Сандрар	Д. Самойлов
ВРЕМЯ	Б. Сандрар, А. Шедид	Д. Самойлов
ВООБРАЖЕНИЕ	–	И. Северянин

Результаты исследования показывают, что преобладающей концептуальной областью-источником осмысления инокультурного пространства является ЧЕЛОВЕК / ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (9/12; 10/12)¹. Таким образом, антропоморфизм пространства в одинаковой мере характеризует как французский, так и русский поэтический дискурс. Одушевленный образ ставит иную культуру на одну ступень с авторским сознанием. Кроме того, он отражает динамику ее поэтического освоения – от идеализации (*Tout à coup l'adorable et riante Italie* [29] – «Как

¹ Соотношения в скобках обозначают отношение числа авторов, обращающихся к данной модели, к общему числу авторов текстов, составивших выборки из французской и русской поэзии, и приводятся для французской и русской выборок последовательно.

вдруг — обворожительная, смеющаяся Италия») до реалистичного восприятия (*Comme nous approchions de la Mongolie / Qui ronflait comme un incendie* [30] — «Монголия ждала нас впереди / Она дышала как пожар» [25]). Антропоморфная метафора и метафора живого существа также выступают носителями знания об иной культуре: *где озеро предгорья облизало, / как будто шоколадные они, / от зноя осовелая лозанна / бросает в воду сонные огни* [28]; *вот зерен горсть венециш-голубке, / присевшей у лагуны голубой, / где свет ночует в облачной скорлупке / медвяной, льдяной, солнечной, любой* [27].

Число авторов, обращающихся к сферам общечеловеческого опыта (НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (3/12; 3/12), РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР (0/12; 1/12), ВНЕШНЕЕ УБРАНСТВО (2/12; 3/12), БОЛЕЗНЬ (2/12; 0/12), ЕДА (2/12; 1/12)), оказывается приблизительно равным числу авторов, осмысляющих элементы инокультурного пространства в понятиях творческой деятельности — ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА (2/12; 3/12), МУЗЫКИ (1/12; 2/12), КИНЕМАТОГРАФА (1/12; 1/12). Например, в поэме «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» (*La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France*, 1913) французский поэт-сюрреалист Блез Сандрар описывает воображаемое пространство Латинской Америки в терминах изобразительного искусства: *Vien sau Mexique / Sur les hauts plateaux les tulipiers fleurissent / Les lianes tentaculaires sont la chevelure du soleil / On dirait la palette et le pinceau d'un peintre / Des couleurs étourdissantes comme des gongs* [30] — «Мы в Мексику поедим! / Там все высокие плато покрыты деревом тюльпанным / Лианы выются словно кудри солнца / Еще бы прихватить художника с мольбертом / Как звуки гонга оглушают краски» [25]. Мастерский перевод Михаила Яснова точно передает синтез визуального и слухового восприятия, но нивелирует семантику подобия, заключенную во французской неопределенно-личной конструкции *on dirait que* 'словно, будто' и значимую для идентификации сравнения: «Поедем в Мексику / Где на плато цветут тюльпанные деревья / Персты лиан подобны шевелюре солнца / Слово бы кисти и палитра живописца / Подобны гонгам оглушительные краски» (перевод наш. — Е.Р.). Уподобление экзотического пейзажа палитре и краскам художника иллюстрирует обращение поэтического сознания не к чувственному, но к эстетическому опыту. В свою очередь, Таллин Давида Самойлова, описанный в понятиях кинематографа, отражает осмысление эстонского пространства сквозь призму творческого опыта: *Здесь, в Таллине, бродили мы с Леоном. / И город становился навильоном / для съемки двух банальных кинодрам. / Банальных! Если бы не смерть артиста!* [24, с. 193]. Уподобление города кинонавильону выступает отсылкой одновременно к «кинематографической» атмосфере эстонской столицы, где в советскую эпоху было снято множество фильмов, и к трагической гибели друга-поэта Леона Тоома, в юности игравшего на театральной сцене. А в «Маленьких тосканских элегиях» Сергея Шестакова пустая и дождливая Флоренция противопоставлена пространству «свежего холста». Метафорический холст есть не что иное, как дом, родина нидер-

ландского живописца Яна Вермеера: *как пусто во флоренции зимой / вермееру, и счета нет потерям, / и холодно, и хочется домой – / на свежий холст или в стеклянный терем, / над медным гентом из чужого сна / парить, парить вне времени и плоти, / пока художник и его жена / бредут сквозь дождь по via matteotti...* [27].

Кроме того, у отдельных авторов источник освоения инокультурного пространства может представлять собой отвлеченную, умозрительную сущность. К концептуальным областям-источникам, выходящим за пределы чувственного опыта, относятся, в частности ВРЕМЯ (2/12; 1/12) и ВООБРАЖЕНИЕ (0/12; 1/12). Так, в предыдущем примере «родное» пространство великого портретиста, стремившегося к совершенству в передаче пространственных отношений на плоскости полотна, оказывается «вне времени». В свою очередь, для лирического героя «Прозы о транссибирском экспрессе» временем образовано пространство пути – вокзалов европейских столиц, столицы Российской империи и далее – станций Транссибирской магистрали: *Tous les visages entrevus dans les gares / Toutes les horloges / L'heure de Paris l'heure de Berlin l'heure de Saint-Petersbourg et l'heure de toutes les gares* [30] – «Одни мелькающие лица на вокзалах / Одни мелькающие стрелки на часах / Парижским **временем** берлинским петербургским вокзальным временем **наполнено пространство**» [25]. Оба примера указывают на реалистичное восприятие пространства, обусловленное его непосредственной связью со временем (для нидерландского художника – вневременная, безусловная приверженность родине; для шестнадцатилетнего швейцарского поэта – пространство, ограниченное временем, проведенным в пути). Наконец, обращение к Эстонии-мечте в «Поэзе об Эстонии» Игоря Северянина представляет собой вариант идеализации пространства «маленькой страны»: *И вся ты подобна невесте, / И вся ты подобна мечте, / Эстония, милая Эсти, / Оазис в житейской тишине!* [26].

Заключение

Таким образом, преобладание концептуальной области ЧЕЛОВЕК / ЖИВОЕ СУЩЕСТВО как источника поэтического осмысления инокультурного пространства определяет его познавательный потенциал: иная культура выступает не объектом интерпретации, но субъектом, равноправным авторскому сознанию.

Кроме того, источником поэтического осмысления инокультурного пространства является не только чувственный опыт (в соответствии с признанным в теории концептуальной метафоры положением о «воплощенном» мышлении), но и опыт созидания. Сопоставимая вовлеченность областей повседневного и творческого опыта в процесс получения знания об иной культуре указывает на их когнитивное равноправие в поэтическом сознании. Процесс созидания становится для художественного мышления значимым познавательным ориентиром, определяющим ход освоения иной культуры. И наконец, осмысление пространства через призму отвлеченных понятий позволяет дополнить тезис теории концептуальной метафоры об «однонаправленном» (от

конкретного к абстрактному) характере образной мысли. В частности, справедливо предполагать единовременное участие абстрактного и конкретного начал в поэтическом освоении мира.

Выявление концептуальных областей-источников образного осмысления инокультурного пространства в поэзии позволяет продолжить исследование в диахронической и сопоставительной перспективе. Определение тенденций в поэтическом освоении действительности может дополнить имеющиеся знания о художественном мышлении эпохи или культуры. Отдельной разработки требует проблематика образного осмысления пространства в терминах отвлеченных понятий. Так, отвечая концепции культуры и языка как двух параллельных модальностей человеческой мысли [19], метафорическое преобразование абстракции может быть непосредственным отражением роли культурной / идейной составляющей поэтического познания.

Список литературы

1. Антипов Н.П. Художественная коммуникация: иносказание // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. 2012. №1. С. 119–128.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь / под ред. Л.В. Шербы. Л., 1928. С. 28–44.
3. Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Якутск, 2000.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
5. Замятин Д. Метафизика путешествия // Культура путешествий в Серебряном веке: исследования и рецепции : монография. Екатеринбург ; М., 2020. С. 13–25.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. М., 1997. С. 147–165.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
9. Тарасова И.А. Концептуализация в поэтическом языке // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 4–8.
10. Феценко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М., 2014.
11. Феценко В.В. Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020.
12. Brandt P.A. A propos de sémiotique, de mathématiques, de poésie et de musique (entretien avec Kęstutis Nastopka, Vilnius, mai 2015) // Acta Semiotica. 2021. №2. P. 21–28.
13. Deignan A., Littlemore J., Semino E. Figurative language, genre and register. Cambridge, 2013.
14. Freeman M.H. Cognitive Mapping in Literary Analysis // Style. 2002. Vol. 36 (3). P. 466–483.
15. Gibbs R. Embodied dynamics in literary experience // Dialogues between literature and cognition / ed. by M. Burke, E. Troscianko. N. Y., 2017. P. 219–238.
16. Greimas A.J. Du sens I. Essais sémiotiques. P., 2012.
17. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago, 1989.

18. *Le Nouveau Petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* / S. Chantreau [et al.] ; sous la dir. de J. Rey-Debove et A. Rey. Nouvelle édition millésime 2007. Paris, 2007.

19. Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. P., 1958.

20. Pragglejazz group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2007. Vol. 22, №1. P. 1–39.

21. Rasse C., Onysko A., Citron F.M.M. Conceptual Metaphors in Poetry Interpretation: A Psycholinguistic Approach // *Language and Cognition*. 2020. Vol. 12 (2). P. 310–342.

22. Rasse C. *Poetic Metaphors: Creativity and Interpretation*. Amsterdam, 2022.

23. Steen G.J., Dorst A.G., Herrman J.B. et al. *A Method for Linguistic Metaphor Identification*. Amsterdam, 2010.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Самойлов Д. *Стихотворения*. СПб., 2006.

25. Сандрап Б. Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской ; пер. с фр., вступ. и примеч. Михаила Яснова // *Новый Мир*. 2015. №6. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/6/proza-o-transsibirskom-eksprese-i-malenkoj-zhanne-francuzskoj.html (дата обращения: 27.02.2023).

26. Северянин И. Поэза об Эстонии // *Северянин И. Соч. : в 5 т.* СПб., 1995. Т. 3. С. 8.

27. Шестаков С. Путевые заметки // *Новый берег*. 2012. №36. URL: <https://magazines.gorky.media/bereg/2012/36/putevye-zametki.html> (дата обращения: 27.02.2023).

28. Шестаков С. Перемена мест // *Новый берег*. 2013. №42. URL: <https://magazines.gorky.media/bereg/2013/42/peremena-mest-2.html> (дата обращения: 27.02.2023).

29. Aragon L. *Le voyage d'Italie* // *Poemes* : [сайт]. URL: <https://www.poemes.co/le-voyage-d039italie.html> (дата обращения: 27.02.2023).

30. Cendrars B. *La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France* // *Le tierslivre* : [сайт]. URL: https://tierslivre.net/spip/IMG/pdf/Cendrars_Transsibere.pdf (дата обращения: 27.02.2023).

Об авторе

Елена Алексеевна Ревуцкая – канд. филол. наук, доц., Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

E-mail: e.a.revutskaya@yandex.by

A. A. Revutskaya

POETIC FIGURATIVENESS AS A FOREIGN CULTURE COGNITION INSTRUMENT

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

Received 27 February 2023

Accepted 17 June 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-5

To cite this article: Revutskaya A. A., 2024, Poetic figurativeness as a foreign culture cognition instrument, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 51–60. doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-5.

The article analyzes the metaphorical conceptualization of intercultural space in French and Russian lyric poetry of the 20th and 21st centuries. The research goal is to determine the cognitive potential of poetic imagery as a means of exploring the space of another culture. Based on classical (S.A. Askoldov, A.J. Greimas) and contemporary (V.V. Feschenko, M. Freeman) linguistic, philosophic, and semiotic approaches, the cognitive status of poetic imagery is substantiated. The definition of intercultural space is proposed as a conceptual domain and the object of artistic interpretation. The combination of the identification procedure of figurative word usage with the techniques of metaphorical modeling allowed for the identification of conceptual domains-sources of imaginative interpretation of the space of another culture in the texts of twelve French and twelve Russian poets. The prevalence of the conceptual domain of HUMAN / LIVING BEING made it possible to specify the cognitive nature of intercultural space – not as an object of interpretation but as a subject, equivalent to the author’s poetic consciousness. Cognitive equality between sensory and creative experience is established, defining the role of the creative process as a cognitive guide in the course of poetic exploration of the world. The identification of abstractions as conceptual domains-sources of poetic exploration of reality allowed for the complementation of the thesis about the “unidirectional” nature of metaphorical conceptualization and constituted the novelty of this research.

Keywords: poetic figurativeness, metaphorically used word, conceptual domain, source domain, target domain, foreign culture space

The author

Dr Alena A. Revutskaya, Associate Professor, Minsk State Linguistic University, Belarus.

E-mail: e.a.revutskaya@yandex.by